Кузин Анатолий Тимофеевич – канд. ист. наук, доцент ГОУ ВПО «Тихоокеанский государственный экономический университет» (филиал, г. Южно-Сахалинск). Тел.: (4242) 79 62 32

Корейцы – бывшие японские подданные в послевоенной советской системе управления на южном Сахалине (1945 – 1947 гг.)

Статья посвящена проблемам жизненного устройства корейского населения, оставленного Японией на южном Сахалине после войны. На основе архивных документов показываются особенности введения советских законов, регулирующих послевоенные общественные отношения жизнь, характер взаимоотношений временной японской гражданской администрации и советской военно-гражданской системы управления, трудности продовольственного кризиса, денежного обращения. В центре внимания-вопросы дискриминации корейского населения и межнациональной вражды на Сахалине корейцев и японцев, а также их послевоенной репатриации.

Ключевые слова: дискриминация, репатриация, Республика Корея, южный Сахалин, Япония.

Ни одна из российских территорий, кроме Сахалинской области, не имеет столь мощно выраженной специфики в этнологическом отношении, связанной с принудительным переселением людей с Корейского полуострова Японией в годы Второй мировой войны, с его массовой безвозвратной эмиграцией по хозяйственно-колониальным и военно-политическим причинам. Между тем, историческая наука ещё не дала убедительных объяснений глубинных причин существования феномена сахалинского корейского сообщества. Проблематика темы актуализируется в связи с потребностью общественной практики формирования научных представлений о проблемах национально-гражданской идентичности послевоенных поколений корейцев – бывших японских подданных – и современной региональной национально-культурной автономии.

Из Докладов в ЦК ВКП(б) о политико-экономическом и демографическом состоянии южного Сахалина в сентябре 1945 г.:

«По национальности население…, в основном, состоит из японцев, которых насчитывается 358 568 человек, из них – 180 115 мужчин и 178 453 женщин, корейцев – 23 498, из них мужчин – 15 356 и женщин – 8 142… северных народов – 812 человек. Кроме того, имеется русского населения 360 человек» [1].

«Настроение населения, в основном, нормальное, кажется благожелательным, многие опасаются, что будут вывозить в Японию, чего

они не хотят, боясь голода и безработицы. Своего императора почитают, распоряжение военных властей и губернатора выполняют хорошо, высказывают ненависть к США, а к советским властям ожидают хороших отношений. Ведут точный учет убытков от войны и грабежей, но уже не боятся и днем на улицах много женщин и детей» [2].

И далее: «Недостаточные меры принимаются в налаживании работы и взаимоотношений с местным японским населением. Все еще продолжаются сборы трофеев и прямые грабежи, а также законные и незаконные выселения и переселения японских жителей из городов. Необходимо дать самые жесткие указания… о пресечении всяких беззаконных действий… Ненормальные взаимоотношения могут привести к нежелательным результатам» [3].

Настроение оставшегося на южном Сахалине и Курильских островах японского населения предопределялось многими факторами:

- во-первых, волновала неопределенность будущего, а потому в массовом порядке поступали просьбы об отправке японцев на о. Хоккайдо, а корейцев – на Корейский полуостров;

- во-вторых, у многих рабочих и служащих, в том числе и корейцев, перед войной семьи были вывезены с южного Сахалина на японские острова Хоккайдо и Кюсю в порядке принудительной мобилизации на горнорудные работы, а потому закономерно ставились вопросы о возможности переписки с ними, переводе денег и отправке посылок;

- в третьих, несмотря на некоторые эксцессы, в целом, проявлялась заинтересованность в быстрейшем восстановлении производства, в связи с чем, высказывались просьбы прекратить случаи мародерства со стороны отдельных красноармейцев по отношению к семьям японцев и корейцев, часть из которых по этой причине боялась выходить на работу;

- в-четвертых, враждебно настроенные бывшие частновладельцы и чиновники распространяли провокационные слухи, листовки и анонимные письма с угрозами физической расправы; провоцировали население на массовый невыход на работу;

- в-пятых, идеологические убеждения представителей делового мира характеризовались почитанием императора Японии, тщательной маскировкой принадлежности к какой-либо политической партии, признанием того, что Советский Союз (в отличие от США) не является врагом Японии, и что в будущем отношения нормализуются.

Для регистрации актов гражданского состояния, выдачи карточек на продовольственное и промтоварное снабжение, а также в целях определения трудовой занятости и территориального перемещения оставшихся после войны японцев и корейцев требовалось провести их документированный учет. Работа эта осуществлялась в соответствии с Постановлением СНК СССР «Об административном устройстве и введении советских законов на Южном Сахалине» от 2 февраля 1946 г. №263 [4]. Каких-либо враждебных

настроений не проявлялось, большинство рассматривало действия советских властей как заботу о равноправии граждан независимо от национальности.

В первый послевоенный период крайне обострилось положение с продовольственным снабжением. По воспоминаниям начальника Южно-Сахалинского областного управления по гражданским делам Д.Н. Крюкова, все магазины были закрыты из-за отсутствия товаропродуктов, а население жило впроголодь. В пищу употреблялись травы, стебли лопухов, мелкая рыбешка. О молочных и мясных продуктах, даже о растительных жирах не могло быть и речи [5].

Оставшийся после японцев продовольственный фонд состоял из 7 200 т риса, 853 т соевых бобов и гороха, 100 т сахара, 11 тыс. т рыбы, до 800 т водки сакэ и небольшого количества миссо – сои. Этого запаса не хватало даже до конца 1945 г. По предложению заместителя председателя Совета министров СССР А.И. Микояна, находившегося на южном Сахалине в сентябре 1945 г., из Маньчжурии были доставлены национальные продукты питания – рис, соя, чумиза и гаолян. На месте был организован сбор дикоросов. Это помогло спасти местное население, в том числе и корейское, от неминуемого голода. В связи с тем, что поставок с материка не ожидалось, пришлось урезать нормы. На одного человека в месяц по карточкам выдавалось риса рабочим 12 – 14 кг, служащим и иждивенцам – 9 кг, детям – 7 кг, рыбы – всем категориям взрослых по 5 кг, детям – 2,5 кг и (независимо от занятости и возраста) на каждого человека – 120 г сахара, 20 г чая, 200 г соли, 1,6 кг соуса [6].

Из-за нехватки продуктов питания возникла угроза для здоровья детей и кормящих матерей. Пришлось пойти на такую меру, как запрет свободной рыночной торговли. Продажа овощей и картофеля разрешалась под административным контролем Уполминзага и только при наличии у крестьян справок волостных управлений о полной закладке данным хозяйством семенного фонда, и о том, что реализуемая продукция является собственностью владельца индивидуального огорода [7]. При сдаче крупного рогатого скота за каждую голову предоставлялось право приобрести 8 литров сакэ, 600 г табака, 2 кг мыла, одну пару резиновой обуви. Убой и продажа скота без специального разрешения военных комендатур запрещались. Владельцы товаров предупреждались, что за обман советских граждан виновные будут привлекаться к судебной ответственности [8] .

В связи с низкими нормами снабжения, особенно рисом, наблюдались факты истощения, главным образом, шахтеров, которые открыто выражали недовольство и даже не выходили на работу. По ходатайству руководителей Сахалинской области Совет министров СССР принял 28 августа 1947 г. Постановление №3014, в соответствии с которым корейцам и японцам разрешалось взамен хлеба выдавать рис по норме: для рабочих по 500 г и для членов семьи – 300 г (с заменой до 70% дневной нормы риса чумизой и гаоляном). Одновременно на них распространялись нормы снабжения товаропродуктами, установленными для отечественных работников.

Признавалось также возможным заключать трудовые договоры с теми, кто изъявит желание работать на советских государственных предприятиях [9].

Прошедшая в декабре 1947 г. денежная реформа и последующая отмена карточек дали возможность перейти к общей системе открытой торговли, ввести единые государственные розничные цены. Но, если в целом по стране это привело к реальному повышению уровня материального благосостояния, то в Сахалинской области (из-за наличия огромной массы оставшегося после войны иностранного населения (японцы и корейцы), требовавшего специфических национальных продуктов питания, в условиях свободной торговли и крайне ограниченных общих запасов продовольствия) положение оставалось очень напряженным. Получив возможность покупать основные продукты питания – хлеб, мясо, сахар, жиры, рыбу – в советских магазинах и без карточек, японское население буквально наводняло их, создавая огромные очереди. На этой почве возникали недоразумения с национальной окраской. В связи с этим, перед правительством ставились вопросы о торговле для японского населения в специально организованных магазинах по установленным лимитам [10].

Осуществление комплекса мер, в том числе и вовлечение в рыночные отношения самих японских и корейских торговцев, помогло преодолеть послевоенный продовольственный кризис. Из сообщения Хабаровского крайисполкома*:* «В настоящее время банк не работает… Учтено японской валюты на 17 сентября 1945 г. бумажных иен 46 524 тыс., иен металлических – 118 тыс., не пересчитано 9 829 кг и 309 мешков металлических денег, серебра в изделиях и ломе – 280 кг. Золото увезено» [11]. В соответствии с Постановлением СНК СССР «Об административном устройстве и введении советских законов на Южном Сахалине» от 2 февраля 1946 г. №263, японские иены были изъяты из обращения, и единственным платежным средством стал советский рубль. Всего было обменено 25 млн. 220 тыс. иен, и зачислено на особые счета 976 тыс. иен [12].

Особенно тяжелое положение сложилось в системе сберегательных касс. Установленный порядок требовал:

а) по текущим счетам и вкладам, внесенным после 20 сентября 1945 г., выплату производить на общих основаниях как для трудовых сберегательных касс;

а) по текущим счетам и вкладам, внесенным до 20 сентября 1945 г., выплату производить до 1 апреля 1946 г. лишь особо нуждающимся лицам в пределах не свыше 500 рублей в месяц на одну книжку [13].

А в дальнейшем прошла перерегистрация вкладов, сумма которых по предъявленным книжкам составляла 85 млн. иен [14]. Но наличных денег, как и прежде, не доставало. В связи с этим, было принято решение о прекращении выдачи вкладов японскими сберкассами. В случае непрохождения перерегистрации вкладных книжек их владельцы вообще лишались права на получение своих сбережений.

С 1 апреля 1946 г. вместе со сберкассами прекратили свою деятельность все японские банки, акционерные страховые общества, отменялось также японское налоговое законодательство. С местного населения слагались все недоимки по налогам и сборам, начисленным в довоенный период. Одновременно на южный Сахалин и Курильские острова распространялось действующее в СССР законодательство о местных налогах и сборах с населения [15].

По указанию Союзнаркомфина и Госбанка СССР, выплата денег по вкладам, внесенным до 20 сентября 1945 г., была прекращена. Делалось это по той причине, что сумма вкладов японского населения составляла 196 млн. иен, а денежная наличность не превышала 40 млн. иен. Считалось целесообразным сохранить старые вклады японцев и корейцев, не эксплуатировавших чужой труд, а после перерегистрации вкладов оплатить их за счет советской стороны [16]. Но, как оказалось, до 1 апреля 1946 г. японское население востребовало трудовых сбережений всего на 130 тыс. иен. Очевидно, население надеялось получить свои сбережения по приезду в Японию. Что касается корейцев, то их надежды не оправдались, и те из них, что ещё живы, до сих пор ждут справедливого решения этого вопроса.

Организация хозяйственно-политической жизни возлагалась на особый административный орган – Гражданское управление при Военном совете 2-го Дальневосточного фронта. В интересах местного населения временно сохранялся аппарат японских государственных учреждений за исключением судебно-полицейских, которые перестали функционировать сразу же с приходом советских войск. Сохранялся также действовавший при японцах институт квартальных и сельских старост в количестве 448 человек, которые через десятидворных проводили в жизнь распоряжения советских властей. На военные комендатуры возлагались задачи руководства органами японского самоуправления, обеспечения жизнедеятельности населения, восстановления разрушенного хозяйства. В результате, удалось предотвратить возможные диверсии, поджоги, сохранить национализированную собственность.

Одной из особенностей первого послевоенного периода являлось то, что управление носило исключительно централизованный характер и регулировалось гражданской и военной администрациями. В октябре 1945 г. командующим войсками Дальневосточного военного округа М.А. Пуркаевым был издан Приказ «О режиме военного времени на территории южного Сахалина и Курильских островов». Движение пешеходов и транспорта разрешалось с 5 часов утра до 22 часов ночи. К этому времени приурочивалась работа всех предприятий и учреждений. В ночное время появление лиц на улицах и за пределами населенных пунктов разрешалось только по пропускам военных комендатур.

Свободное передвижение гражданского населения из одного населенного пункта в другой запрещалось за исключением таких случаев, как: оказание неотложной медицинской помощи, участие в похоронах, выезд

в командировку, следование на производство со сменным режимом или к месту назначения по вербовке для работы на южном Сахалине. Но во всех случаях требовалось подавать мотивированное письменное заявление и получать специальные пропуска на передвижение с обязательной регистрацией у военных комендантов в местах своего пребывания. При несвоевременном возвращении к постоянному месту жительства принимались меры к розыску получивших пропуска и привлечению их к ответственности. Территория населенных пунктов разделялась на участки, за каждым из которых закреплялись постоянные патрули. Виновные в нарушении порядка передвижения привлекались к ответственности по законам военного времени [17].

Суровые законы действовали в сфере производства. Для обеспечения полной нагрузки предприятий разрешалось привлекать в порядке мобилизации неработавшее население. Самовольно оставившие место работы предавались суду и подлежали тюремному заключению на срок до четырех месяцев. Прогульщики карались исправительно-трудовыми работами до шести месяцев с удержанием 25% заработной платы. Запрещалось увольнение лиц, осужденных за прогул и отбывавших наказание по месту работы, а также прием на работу лиц без наличия в их паспортах отметки об увольнении и специальной справки с последнего места работы. Все самовольно покинувшие производство возвращались обратно на предприятия. Руководители за сокрытие и уклонение от предания виновных лиц суду военного трибунала привлекались к уголовной ответственности [18].

Давала о себе знать идущая из прошлого межнациональная вражда японцев и корейцев. Вот что, к примеру, сообщал в служебной записке начальник отдела по учету и распределению рабочей силы Южно-Сахалинского областного управления по гражданским делам Д.А. Косарев: «Руководящая часть на шахте («Найбучи» – А.К.), исключая советских работников, состоит всецело из японцев, корейцы же составляют лишь мускульную силу. Скрытое притеснение японцами корейских рабочих, безусловно, имеет место, а корейские рабочие японских чиновников, занимающих руководящие посты на шахте, ненавидят» [19].

Послевоенная обстановка характеризовалась многими негативными явлениями, в том числе и тем, что значительная часть корейцев – бывших японских подданных (более 8 тыс. человек) – уклонялась от общественно-полезного труда, проживала без прописки, в целях спекуляции разъезжала по территории острова. В связи с этим, было принято решение о прекращении бродяжничества и самовольного перемещения корейцев. Установленный порядок требовал прописывать только тех, кто представлял справки с места работы, свидетельствующие об их трудовой занятости. Все уклонявшиеся от общественно-полезного труда подлежали административному удалению в месячный срок в периферийные районы на западном побережье Сахалина. Одновременно командование погранвойск МВД Сахалинского округа

запрашивало санкцию на перемещение корейцев из населенных пунктов южного побережья Сахалина и Курильской гряды. Мотивировалось это необходимостью «… очистки этих районов от корейского населения, представлявшего своего рода базу для вражеской деятельности сопредельного государства» (Японии – А.К.) [20].

Японизированные корейцы находили поддержку в удовлетворении своих культурных потребностей. Формировалась сеть клубных учреждений, библиотек, красных уголков, политических школ и агитколлективов. На японском языке тиражом 30 тыс. экземпляров издавалась газета «Новая жизнь». Ежедневно в течение двух часов велось радиовещание. Выходили брошюры и листовки, показывались советские кинокартины, содержание которых объяснялось перед сеансом. Работало пять хозрасчетных японских концертных бригад и одна корейская. Открылись японские и корейские школы. Органы народного образования вели работу по пересмотру учебников и программ, по переподготовке национальных кадров. Репертуар артистов и коллективов художественной самодеятельности предварительно просматривался политотделом Гражданского управления.

Одна из особенностей первого послевоенного периода состояла в том, что военно-гражданская система управления из-за нехватки партийно-политических кадров и переводчиков оказалась не в состоянии охватить коммунистической пропагандой все японское население. Однако уделялось особое внимание корейцам как японским подданным. Мотивировалось это тем, что их радикально настроенная часть, требуя репатриации, активизировала антисоветскую работу, нарушала трудовую дисциплину, отказывалась работать на производстве. Ставилась задача идейно «встряхнуть» и сплотить корейцев на советской идеологической платформе.

Политической оценкой японской литературы занималась специальная проверочная комиссия. Частная торговля книжной продукцией на иностранных языках запрещалась. Подвергались экспертизе все надписи на японских памятниках, в местах захоронения и на административных зданиях, а также трофейная литература, значительная часть которой была уничтожена как идеологически вредная, равно как и патефонные пластинки [21]. В этом же направлении работали и органы милиции и госбезопасности, с участием которых раскрывались центры подрывной деятельности против советской власти, выявлялась японская законсперированная агентурная сеть. Но одновременно через работающих в этой системе советских корейцев разъяснялось государственное и политическое устройство СССР, особенности социалистического образа жизни.

Советское правительство не могло не считаться с тем, что на южном Сахалине после войны осталась многотысячная масса корейцев. Однако принимаемые меры не разрешили всех проблем. Особенно остро стоял вопрос о возвращении в Южную Корею, выходцами из которой была большая часть карафутских корейцев. Но Южная Корея (как и Япония) тоже оказалась под контролем США. Да и советское правительство не спешило

отправлять корейцев, видя в них законопослушную рабочую силу. Сложившиеся и внутренние, и международные обстоятельства объективно воспрепятствовали репатриации корейцев совместно с японцами. В свою очередь, это подорвало доверие к советской власти. Отказ в репатриации рассматривался как «русский обман». Вызывал озлобление и тот факт, что японцы возвращались на родину, являясь поработителями корейского народа. К тому же, право на репатриацию получило и айнское население [22], а корейцы, даже всячески перебравшись на о. Хоккайдо, возвращались обратно японскими властями на южный Сахалин.

Однако не все корейцы испытывали желание возвратиться на историческую родину и подавали заявления с просьбой оставить проживать на южном Сахалине. Объяснение таким фактам можно дать следующее. Во-первых, многие не верили, что возвращение на обескровленную и опустошенную землю предков сулит счастливую жизнь. Во-вторых, сохранялось опасение, что японцы, возможно, в будущем снова превратят Корейский полуостров в свою колонию. В-третьих, распространялся слух, что пароходы для перевозки корейцев будут потоплены, как это случилось в августе 1945 г. в акватории порта Румои на о. Хоккайдо, когда погибло 1700 репатриантов [23, с. 73 – 74]. В-четвертых, под влиянием советской пропаганды часть корейцев твердо уверовала, что в СССР существует самый справедливый и гуманный государственный строй, и, чтобы остаться на сахалинской земле, корейцы терпеливо переносили послевоенные трудности.

С окончанием любого вооруженного конфликта практически все сферы общественной жизни начинают работать в особом режиме, который напрямую влияет на правовой статус граждан неприятельского государства, оставшихся на территории страны-победительницы. Именно в таком положении оказались корейцы южного Сахалина и Курильских островов, в отношении которых последовало санкционированное советским государством временное ограничение прав и свобод. Безусловно, это имело причинно-следственную связь с завершением военных действий и не носило характера прямого интернирования (создавались только лагеря для военнопленных и лиц, лишенных свободы по другим причинам). Тем не менее, его признаки обнаруживаются непременно, если не в классическом, то в опосредованном виде.

Подведем итоги исследования следующими выводами. Роль национального менталитета в выборе сахалинскими корейцами своего месторазвития не являлась определяющей и оказалась в полной зависимости от характера японской колониальной и советской тоталитарной политики. На протяжении уже 65 лет Сахалинская область остается единственным регионом России, исторически вовлеченным в решение проблем послевоенного устройства корейцев – бывших японских подданных и их потомков.

Нехватка в первый послевоенный период национальных продуктов питания, неопределенность гражданско-правового положения, запрет на

свободный выбор местожительства и территориальное передвижение, нерешенность вопроса о возвращении довоенных вкладов в японские банки, производственно-бытовая неустроенность, усиленный политический и административный контроль – все это вызывало у корейцев разочарование в советских порядках.

Внутри корейской колонии наблюдалось расслоение по жизненному уровню. Те, кто имел советское и северокорейское гражданство, пользовались всеми государственными льготами в вопросах трудоустройства, заработной платы, улучшения жилищно-бытовых условий, образования, медицинского обслуживания и социального страхования, а лица без гражданства – бывшие японские подданные – были лишены каких-либо социальных льгот. Эти вопросы были решены на государственном уровне лишь в 1950 – 1960-х гг.

По своим идейно-политическим и патриотическо-национальным убеждениям корейская масса также оказалась неоднородна: одни поддерживали строившиеся социализм в Северной Корее, другие – проамериканский режим Южной Кореи. Но среди всех – часть симпатизировала советской власти, а часть оставалась прояпонски настроенной. На этой почве иногда возникали конфликты, переходившие в межгрупповые столкновения. Следовательно, правовое и социально-экономическое положение корейцев представляло серьезную национально-политическую проблему, хотя в официальном порядке это не признавалось.

На рубеже XX – XX1 вв. проблемы послевоенного неустройства сахалинских корейцев неожиданно оказались в фокусе внимания государственных деятелей, политиков, политологов, правозащитников не только России, но и в Республике Корея и Японии. Главное в том, что усиливается отток сахалинского корейского населения на постоянное местожительство в Республику Корея – историческую родину предков (за 1990 – 2009 гг. выехало более трех тысяч человек). А это значит, что проблема непосредственно связана с дальнейшей судьбой многих разделенных войной корейских семей, с их выбором между двумя цивилизациями – российской и южнокорейской.

Длительная нерешенность гражданско-правовых проблем сахалинских корейцев негативно сказывается на их умонастроении, социальном поведении и психологическом состоянии. Об этом свидетельствуют такие реалии наших дней, как массовые выступления с требованиями о репатриации, возмещении материального ущерба, нанесенного Японией в годы войны, а также направление по этим вопросам различного рода петиций главам государств России, Японии и Республики Корея.

Логика перехода на демократические устои общественного развития приводит к необходимости решать проблемы послевоенного устройства сахалинских корейцев в плоскости внутренней национальной политики, человеческой психологии, межгосударственных отношений и международного права.

Литература и источники:

1. ГАСО (Государственный архив Сахалинской области). – Ф. 171. – Оп. 3. – Д. 7. – Л. 122.

2. ГАСО. – Ф. 171. – Оп. 3. – Д. 6. – Л. 54.

3. ГАСО. – Ф. 171. – Оп. 3. – Д. 7. – Л. 141.

4. ГАСО. – Ф. 171. – Оп. 1. – Д. 5.

5. Крюков, Д. Н. Гражданское управление на Южном Сахалине и Курильских островах в 1945 – 1948 гг. (Воспоминания) / Д. Н. Крюков // Краеведческий бюллетень № 1. – Южно-Сахалинск, 1993. – С. 13 – 14.

6. ГАСО. – Ф. 171. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 15.

7. ГАСО. – Ф. 171. – Оп. 3. – Д. 2. – Л. 98.

8. ГАСО. – Ф. 171. – Оп. 1. –Д. 30. – Л. 17.

9. ГАСО. – Ф. 53. – Оп. 5. – Д. 92. – Л. 120 – 127.

10. СЦДНИ (Сахалинский центр документации новейшей истории). – Ф. П-4. – Оп. 1. – Д. 344. – Л. 100.

11. ГАСО. – Ф. 171. – Оп. 3. – Д. 7. – Л. 49.

12. СЦДНИ.–Ф. П-20. – Оп. 1. – Д. 59. – Л. 5.

13. ГАХК (Государственный архив Хабаровского края). – Ф. П. – 35. – Оп. 1. – Д. 1854. – Л. 14.

14. СЦДНИ. – Ф. П. – 20. – Оп. 1. – Д. 59. – Л. 6.

15. ГАСО. – Ф. 171. – Оп. 1. – Д.4. – Л. 160.

16. СЦДНИ. – Ф. П. – 20. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 7.

17. ГАСО. – Ф. 171. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 19 – 20.

18. ГАСО. – Ф. 171. – Оп. 1. – Д. 27. – Л. 120.

19. СЦДНИ. – Ф. П. – 20. – Оп. 1. – Д. 13а. – Л. 21.

20. СЦДНИ. – Ф. П. – 4. – Оп. – Д. 438. – Л. 91.

21.СЦДНИ. – Ф. П. – 44. – Оп. 1. – Д. 54. –Л. 6 – 7.

22. ГАСО. – Ф. 557. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 85.

23. Стефан, Д. Сахалин. История // Краеведческий бюллетень № 4. – Южно-Сахалинск, 1992. – С. 63 – 85.